

Владимир Горбань

*Шутки
в сторону*

Владимир Владимирович Горбань
Шутки в сторону

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17690972
ISBN 9785447456931*

Аннотация

«Шутки в сторону» – сборник избранных рассказов, миниатюр и короткая повесть Владимира Горбаня о мистическом, загадочном и малоизученном, о жизни, смерти, предназначении человека и о роли случая в его судьбе. А также о любви и ненависти, верности и предательстве, памяти и забвении... Суждения автора спорны, порой противоречивы, что, впрочем, только подогревает интерес к этой книге...

Содержание

Вместо предисловия	5
Рассказы и повести покойного Ивана Петровича Стрелкина	7
Сделка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Шутки в сторону Владимир Владимирович Горбань

© Владимир Владимирович Горбань, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

По молодости лет, в пору цветущую и легкомысленную до крайности, мне довелось работать редактором отдела информации в одной небольшой городской газете. Это были времена разгула демократии и свойственных ей острых заметок и статей в средствах массовой информации. Это было время шальных денег, которые сыпались на головы талантливых и острых на язык журналистов и литераторов. Жить приходилось в бешеном ритме пресс – конференций, круглых столов, выступлений на радио и телевидении. Времени для неторопливого душевного общения обычно не хватало. Да и не очень таким общением мы в ту пору дорожили.

Просиживать штаны в редакции доводилось редко, ведь журналиста, как известно, шустрые ноги кормят.

Но, однажды, будучи дежурным по редакции, и вычитывая материалы очередного номера, я взял трубку звонящего телефона. На том конце провода раздался грустный голос пожилой женщины.

– У меня умер муж, – сообщила она.

Я не знал, что ей ответить и потому молчал. Молчала и она какое – то время, а я слышал в трубке лишь ее неровное дыхание.

– Вы знали моего мужа? – она назвала неизвестную мне фамилию. Затем женщина замолчала, и я вновь долго слушал ее дыхание в трубке.

– Я хотела бы с вами встретиться, – сказала она и в ее голосе прозвучала вымученная мольба.

Повторюсь, был я молод, недостаточно внимателен к людям и действительно очень занят. И мне очень не хотелось общаться с неизвестной пожилой женщиной, по непонятно какой причине.

– Я бы хотела показать вам рукописи моего покойного мужа.

– Почему именно мне? – соскочил с моих уст обидный вопрос.

– Мне кажется, вам они будут интересны.

Мы договорились о встрече, и я пришел к ней домой. Меня поразила скромность и простота убранства ее однокомнатной квартиры. Помню фотографию, висящую на стене над стареньким диваном. На ней был изображен мужчина средних лет в крестьянской косоворотке. Он загадочно улыбался, и, казалось, был вполне счастлив.

– Это мой покойный муж Иван Петрович Стрелкин, – буднично произнесла женщина, заметив мой интерес к портрету. – Он настоятельно просил меня перед смертью передать вам вот эту папку.

Красная коленкоровая папка была вполне увесистая, и достаточно потертая в некоторых местах. Я невольно взял ее в руки и почувствовал пробежавший холодок по спине.

– Ваш покойный муж больше ни о чем не просил? – задал я глупый вопрос.

– Нет, – ответила она едва слышно.

– Ну, тогда я пойду, пожалуй, дел очень много.

Женщина не предложила мне чаю, как это обычно делают гостеприимные хозяева, никак иначе не попыталась задержать меня и ничего не сказала на прощание.

И я ушел тогда, как помню, с легким сердцем.

Папку я принес домой, любопытство меня не мучило, и я засунул ее в один из чемоданов, где в полном беспорядке хранил собственные рукописи.

Спустя много лет я вышел в отставку, окончательно забросил журналистику, и поселился в небольшой деревушке, подальше от городской суеты, чтобы остаток дней своих провести на лоне природы, отдавая себя полностью литературным трудам. С собой я прихва-

тил три чемодана рукописей, до которых по молодости лет толком не доходили руки, взялся их просматривать и править, лелея в душе надежду, издать когда –нибудь книгу. Работа эта приносила мне искреннее удовольствие и удовлетворение. Я вновь и вновь окунался в свою бурную молодость, по – новому переживал события прежних лет. Но, однажды раскрыв очередной чемодан, на самом его дне я обнаружил потертую коленкоровую папку красного цвета. И вспомнил тот неожиданный звонок в редакцию. На сей раз, природное любопытство мое проявило себя в полной мере. В папке я нашел три сотни аккуратно сложенных листов пожелтевшей от времени бумаги, исписанных достаточно трудным для прочтения почерком. К тому же чернила сильно поблекли.

И, тем не менее, я смог разобрать практически все из того, что было написано автором. Это были повести и рассказы покойного Ивана Петровича Стрелкина. Кем он был при жизни, где работал, чем увлекался, я не знаю. И узнать теперь уже, пожалуй, не смогу. Но мне творчество этого загадочного автора показалось весьма любопытным, достойным для вынесения на справедливый суд читателей.

Я посчитал для себя не приемлемым править рукописи покойного и уж, тем более, выдавать их как свои. Я счел возможным издать их в том виде, в котором они и были созданы писателем.

Рассказы и повести покойного Ивана Петровича Стрелкина Идиллия. Эдем. Лепота

Василий Петрович шикавал. Правда сорить деньгами он не любил и не умел, но... Но разве не может себе позволить вполне сформировавшийся и относительно обеспеченный мужчина слегка погусарить? К тому же случай был вполне подходящий, Василий Петрович задумал жениться.

«Пора, пора связать себя узами брака», – думал он накануне вечером, удобно расположившись у телевизора. «Не мальчик ведь, уже шестой десяток разменял», – уговаривал себя Василий Петрович: «Пора бы уже окунуться в тихую семейную жизнь, отдать себя в руки порядочной интеллигентной женщине. Время вон как стремительно летит! Свиридовы вон уже и младшую дочь замуж выдают. Пора наверстывать упущенное. Квартирка, кое – какая у меня имеется, дача с земельным участком, зарплата неплохая. Доколи же мне бобылем – то век свой коротать?»

И Василий Петрович принялся сладостно мечтать. Вот просыпается он рано утром, а Светлана Сергеевна уже на кухне колдует. Кофеек, сливки, бутерброды. Красота! А после роскошного семейного завтрака Василий Петрович берет свой портфель, старательно укладывает в него бумаги, а Светлана Сергеевна, напевая что – то шлягерное, гремит на кухне посудой. А когда он уже влезет в свой старенький макинтош, его жена выскакивает в прихожую и целует Василия Петровича на дорожку арбузно – сахарными устами в гладко выбритую щеку. А вечером, когда Василий Петрович возвращается домой с работы, усталый и голодный, ужин уже готов и разогрет, а обольстительная Светлана Сергеевна, улыбаясь, приносит ему в прихожую комнатные тапочки. Вот она – прелесть семейной жизни! Вот оно счастье! Идиллия! Эдем! Лепота!

«Боже ж мой!» – усмехнулся Василий Петрович: «Ну, как же мне раньше эта замечательная мысль в голову не приходила! Ведь это же так просто, пойти в ЗАГС и зарегистрировать свои отношения с любимой женщиной!»

Однако последняя мысль слегка встревожила Василия Петровича. Конечно, все было бы хорошо и даже замечательно в их супружеской жизни, но как открыться Светлане Сергеевне, как поведать о своих чувствах и намерениях? Подобных предложений Василий Петрович никогда никому не делал и это обстоятельство его немного пугало. Да и не молод он, и не красавец вовсе: плешь, брюшко, ростом не ахти. К тому же одышка, тахикардия, бессонница, печень то и дело пошаливает.

И тогда Василий Петрович решил шикавать. Он купил на рынке букет пламенных роз, нацепил золотые запонки и повез Светлану Сергеевну на такси в довольно дорогой ресторан. Василий Петрович выбрал столик вдалеке от эстрадной сцены и, закинув ногу на ногу, с достоинством завсегдатая принялся изучать меню. Музыканты играли блюз, было вполне уютно.

– Как насчет шампанского, Светлана Сергеевна? – осведомился Василий Петрович.

– От бокала полусладкого я не отказалась бы, – робко, отведя глаза в сторону, произнесла она.

Василий Петрович был в ударе. И вскоре на столе появилось множество изысканных блюд, названия которых ласкают слух настоящего гурмана, запотевшая бутылка французского шампанского и двести грамм коньяку в пузатом хрустальном графинчике.

Раздался выстрел пробки, и пенистое вино наполнило высокие фужеры. Василий Петрович, поборов волнение, приглушенно произнес:

– Светлана Сергеевна, я не мастер произносить застольные речи, но этот тост, – тут он невольно запнулся, – этот бокал вина я хотел бы выпить за вас!

Светлана Сергеевна зарделась. И этот румянец ей был очень к лицу, озарив до того весьма бледное лицо.

«Хороша! Чертовски хороша собой!» – подумал Василий Петрович: «Все же, есть какой – то необъяснимый шарм в этих сорокалетних блондинках. И эта чувственная родинка над верхней губой. И малахитовая прелесть глаз. И аккуратно выщипанные брови. И лучики длинных ресниц. Королева! Богиня! Платьице, правда, немного старомодное. Но это даже к лучшему. Все же мы не Ромео и Джульетта».

Василий Петрович был вполне доволен своим выбором, душа его радостно трепетала, а сердце билось с удвоенной энергией. «Это даже к лучшему. Не люблю распутных и вульгарных женщин. Конечно, и в них есть особая прелесть, но... Но жена, безусловно, должна быть благопристойной. А Светлана Сергеевна, безусловно, благопристойная женщина. И этот чуть вздернутый носик и скромная челка. И узкая бледная ладонь. Да, безусловно, она сама благодетель.

– Еще вина? – вкрадчиво спросил Василий Петрович.

– С удовольствием! Я, знаете ли, последний раз была в ресторане, страшно подумать, лет десять назад. Да и то со своей старинной приятельницей... А вы, наверное, частенько здесь бываете?

Василий Петрович аккуратно пополнил до краев ее фужер. Шампанское забавно пузырилось, сиюсья пролиться на скатерть.

– А я, Светлана Сергеевна, с вашего позволения выпью рюмочку коньячка, – и он плеснул себе в стопочку из пузатого графинчика. – Как вам сказать? Бывает, конечно, захаживаю. Я ведь старый холостяк, человек обеспеченный, могу иногда, и позволить себе маленькие радости жизни. Но не более того. Я ведь и по молодости не злоупотреблял. А теперь, когда душа и вовсе стремится к святости, – Василий Петрович загадочно улыбнулся, – теперь и вовсе хочется чего – то благодного, домашнего. Да и, знаете ли, партии раньше подходящей не было... Вы бы съели чего – нибудь, Светлана Сергеевна. Вот салатик недурной, рекомендую.

Василий Петрович со смаком вживил в себя рюмочку коньяка. Светлана Сергеевна меланхолично ковырялась вилкой в салате.

– Может, вам фруктов заказать? Что – то вы совсем плохо едите.

– Нет, спасибо, все и так замечательно. И этот укромный столик, и рассеянный свет, и эта чарующая музыка. Спасибо вам.

«Да, недурна собой, умна», – радовался Василий Петрович: «Чувствуется, что из хорошей семьи, воспитана. Платьице, конечно старомодно. Но да ничего, платьице можно и новое справить. И еще халат. Длинный такой, махровый. Проснусь я рано утром, а она уже на кухне хлопочет. В халате, вся такая домашняя. Идиллия! Эдем! Лепота!

– Вы что – то сказали? – спросила Светлана Сергеевна. – Лепота?

– Я? – смутился Василий Петрович. – Ах, да – да, лепота... Размечтался, знаете ли, увлекся. Я ведь старый холостяк. Живу один. Вот и мечтаю иногда. Ну, что, по рюмочке?

И Василий Петрович наполнил фужеры.

– Знаете что, Светлана Сергеевна, давайте выпьем за нашу с вами встречу. Мне здесь чертовски нравится!

– Мне, знаете, тоже, – едва улыбнувшись, сказала Светлана Сергеевна, – все очень даже пристойно...

Коньяк начал действовать и Василий Петрович повел себя более непринужденно. Он заказал фруктов, торт, бутылку «мартини». Хотел даже пригласить Светлану Сергеевну на медленный танец, но вовремя одумался, испугавшись за собственную одышку. После

третьей рюмки он уже достаточно уверенно держал ее холодную ладонь в своей руке, но все еще не знал, как объясниться.

– Я, Светлана Сергеевна, старый холостяк. Живу один в двухкомнатной квартире. Правда, у меня есть кот, но все равно... Одиночество, знаете ли, заедает. Вы должно быть меня прекрасно понимаете. Вы ведь не замужем?

– Нет, – печально произнесла она. – Я не была замужем. И тоже живу одна в двухкомнатной квартире. И у меня тоже есть кот.

– Да что вы говорите! – обрадовался Василий Петрович. – И как же его зовут?

– Василием, – смутилась Светлана Сергеевна.

– Да что вы говорите! И моего кота зовут Василием. Он у вас какой масти? Не серой?

– Нет, он сплошь кипельно черный. Только галстучек на шее беленький.

– Какая прелесть! – восхитился Василий Петрович.

И разговор завязался сам собой. Если бы кто – то наблюдал эту картину со стороны, то непременно решил бы, будто супруги со стажем выбрали в ресторан, чтобы пикантно разнообразить свою тихую семейную жизнь.

– А, давайте, выпьем за наших Василиев! – предложил слегка захмелевший Василий Петрович, наполняя рюмки

* * *

Василий Петрович недоумевал. Это чувство и раньше частенько посещало его насквозь одинокую душу, в которой так редко цвели сады, но... Но мало ли законных поводов у вполне сформировавшегося и достаточно обеспеченного мужчины для разного рода недоумений?

Утром проснулся Василий Петрович в страшном смятении. Печень ныла, голова трещала, в сердце опасно покалывало. На соседней кровати сладостно посапывала Светлана Сергеевна, разбросав руки поверх одеяла.

«Как хорошо, что сегодня понедельник», – поймал себя на мысли Василий Петрович, старчески кряхтя, вставая с постели «Пойду, приготовлю кофе».

Василий Петрович вышел на кухню, зажег конфорку и задумался. Мысли его текли беспорядочно. «Надо бы пойти показаться кардиологу... Ботинки на ладан дышат... Какая же она...», – Василий Петрович выругался: «И, главное, из – за чего? Из – за какого – то паршивого кота, трижды бы он сдох, подлюка! Все выходные насмарку».

Василий Петрович, обряженный в поношенную пижаму, стоял посреди кухни с туркой в руке. Про кофе он, похоже, уже забыл. «И ведь слова ей поперек не вставь! Васенька, мой малыш, мое золотце ненаглядное. Ти – ти – ти. Тю – тю – тю. А он, подлец, глаза свои вытирает бесстыжие и шипит, как змея. Он, гад, и с моим Василием сразу в конфликт вступил, потому, что слишком уж бешеный. А попробуй в него тапком запустить, такое начинается! Жена словно с ума сходит. Крики, визги, звон разбитой посуды! Эх – хе! Не такой я себе семейную жизнь представлял, старый дурак! Думал, идиллия, эдем, лепота! Куда там, дурдом, палата для буйных умалишенных».

Василий Петрович поставил турку на стол и рядом присел на табурет. Он в полном отчаянии охватил голову руками. «Дурак! Как есть дурак!», – ругал он себя, и глаза его старчески слезились. Я то рассчитывал закончить свою жизнь в тихом семейном гнездышке среди душевного тепла и уюта, в мире и взаимопонимании. Как же я жестоко ошибся!»

Тут он заметил, что у его ног трется и мурчит Василий – серый. Он бережно взял кота на руки, прижал к себе и принялся нежно гладить пушистую шерстку. «Что, Васенька, вляпались мы с тобой в историю? По самые уши вляпались. Видишь, как оно все нехорошо обернулось? Нелады у нас с ее котом. Нашла коса на камень... Я ведь, Васенька, хотел как лучше. Да видишь, что из этого получилось?»

На кухню вошла Светлана Сергеевна. Ее длинный махровый халат бежевого цвета был небрежно запахнут, прическа скособочилась.

– Ты все еще тут крутишься?! Каждое утро ты пасешься на кухне, как отбившийся от стада носорог. Ты же мне тут мешаешь. Мне надо Васеньке завтрак приготовить.

Василий Петрович злобно зыркнул очами. Его кот Василий – серый гневно зашипел и вздыбил шерсть. Какой – то нехороший ком подкатывал к горлу Василия Петровича. Он завелся с полуоборота:

– Да пропади он пропадом, это твой паршивый кошан! Я себе с утра кофе сварить не могу! Тебе этот безмозглый зверюган дороже мужа!

– Да, дороже, – холодно парировала Светлана Сергеевна. – А твой сволочной кот вообще кретин из кретинов! Я его отравлю крысиным ядом!

– Дура, – застонал Василий Петрович. – Если ты посмеешь... Если у тебя поднимется рука... Я за себя не отвечаю!

– Уйди! Сгинь с моих глаз! – заголосила Светлана Сергеевна, взяв в руку суповую тарелку. – Не действуй мне на нервы!

– Дай мне хотя бы кофе сварить! – орал Василий Петрович, вскочив с табуретки. Его кот воинственно соскочил с рук.

На пол полетела тарелка, за ней вторая. И тут, словно откликаясь на зов о помощи, в кухонное пространство ворвался Василий – черный. Его шерсть торчала дыбом, хвост трубой. Увидев Василия – серого, он ощерился и рванул в бой. Василий – серый, изогнув спину дугой, дико шипя, вцепился когтями в Василия – черного.

Что тут началось! Коты сражались как Пересвет с Челубеем на Куликовом поле! Шерсть клоками летала по кухне! Крики, визги, шипение и отборная нецензурная брань! Светлана Сергеевна, озверев, таскала Василия Петровича по кухне за жалкие остатки шевелюры. Обороняясь. Он кулаками молотил ее по спине.

Куликовское побоище! Война миров! Армагеддон!

– Дура! Истеричка! Плебейка! – орал Василий Петрович, насилу вырвавшись из рук супруги. Он подхватил на руки Василия – серого и успел дать увесистого пинка его противнику. – За какие – то полгода сумасшедшей семейной жизни с тобой я превратился в невращеника! Ты меня со своим дебильным котом преждевременно в могилу сведешь! – и он стремглав выскочил из кухни, хватаясь за сердце.

– Туда тебе и дорога! – донеслось вослед.

«Ну, надо же быть такой стервою! – недоумевал Василий Петрович: «Я задушу ее гадкого кота! Хотя бы ради мести. За порушенные надежды! За несбывшиеся мечты! Дурак! Самый настоящий дурак! Зачем я женился на этой фурии, на этой невращеничке! Я то наивный думал: идиллия, эдем, лепота... Тьфу ты, да пропади оно все пропадом!

Василий Петрович наспех оделся, схватил Василия – серого под мышку и на прощанье так грохнул входной дверью, что гул страшный пронесся по подъезду.

Неистовых рыданий Светланы Сергеевны он, конечно, не слышал.

* * *

Василий Петрович горевал. И вряд ли в этом стоит усматривать что – то удивительное. Мало ли о чем может горевать вполне сформировавшийся и относительно обеспеченный мужчина, когда ему уже за пятьдесят, когда уже и одышка замучила, и тахикардия по вечерам, и печень то и дело пошаливает.

– Понимаете, я человек, в общем, то счастливый, – сурово хмурясь, говорил Василий Петрович, разливая по стаканам дешевое вино.

В душевной забегаловке рядом с ним за столиком сидел мужичонка с внешностью явно опустившегося индивидуума, и, казалось, внимательно слушал Василия Петровича, подперев небритую щеку немывтым кулаком.

– В сущности ведь у меня все есть: двухкомнатная квартира, дача, зарплата, замечательная жена. А у вас есть жена?

– Угу, – промычал небритый мужичонка, медленно протянув свободную руку к стакану.

– Тогда мне вам вряд ли стоит объяснять все прелести супружеской жизни. Все же это замечательно, когда вы просыпаетесь рано утром, сладко потягиваетесь в постели, а жена уже воркует на кухне, готовит крепкий кофе, бутерброды. Вы, верно, тоже любите крепкий кофе с бутербродами по утрам?

– Угу, согласился мужичонка и медленно, давясь, с мученическим лицом опорожнил стакан вина.

– Ведь после бодрого завтрака хочется бежать на службу и работать, работать, работать. Вы ведь, очевидно, тоже где – то служите?

– В натуре.

– Где, где?

Но мужичонка только безразлично махнул рукой и по его жесту Василий Петрович понял, что его новый знакомый работает где – то рядом, возможно, за углом этой забегаловки.

– А как приятно возвращаться после работы домой в уютное семейное гнездышко. Как приятно осознавать, что дома тебя с нетерпением ждет твоя дражайшая половина. Что ужин уже готов, а ванная уже наполнена теплой водой. И в воду заботливо добавлена ароматная хвойная пенка. Вы любите хвойную пенку?

– Угу. Да – ай, земля, еще па – а чуть – чуть.

Василий Петрович наполнил вином замусоленные стаканы и по – братски поделил кусочек ржаного хлеба.

– А как замечательно проводить семейные вечера у телевизора! Особенно в выходные и праздничные дни. У вас имеется дома телевизор?

Но мужичонка уже не мог совладать с накатившей на него хмельной дремой. Он ухватил стакан нетвердой рукой, мучительно донес его до обветренных, покрытых коростой губ и медленно, жутко морщась, выпил вино до дна неровными нервными глотками. Затем глаза его закатились, руки провисли, стакан выпал, а сам он неуклюже сполз по стулу, уткнувшись лицом в грязный стол.

Василий Петрович еще долго описывал своему случайному собутыльнику все безусловные прелести и преимущества семейного образа жизни, допивая скверное вино, часто восклицая при этом: «Идиллия! Эдем! Лепота!»

В полночь, когда питейное заведение объявили закрытым, какой – то молодой и дерзкий ухарь подхватил Василия Петровича под микитки и потащил его к выходу. По пути он ловко обчистил его карманы.

На улице было прохладно и сыро. Фонари и звезды блекло мерцали где – то вдалеке. Но ничего этого Василий Петрович, изрядно захмелевший, не замечал. Даже трамвайных путей, находящихся в опасной близости к забегаловке.

– Папаша, дай закурить, – попросил случайный прохожий.

– Я не курю, мал – дой человек, – икая, произнес Василий Петрович. Я ведь вполне сформировавшийся и... и относительно обеспеченный мужчина. У меня по сути все есть... и двухкомнатная квартира, и дача, и зарплата, и жена...

Слезы покатались из помутневших глаз Василия Петровича.

– Ну, ты, папаша, и даешь, – усмехнулся злобный прохожий и нахально сплюнул на тротуар. – Натрескался до завихрения мозгов! Видно, влетит тебе от старухи! – и он грубо подтолкнул Василия Петровича на трамвайные пути.

Василий Петрович поскользнулся, упал на рельсы и беззвучно заплакал. Он вспомнил, что в двухкомнатной квартире его никто не ждет. Полгода назад они со Светланой Сергеевной развелись, а его любимого кота Василия – серого бывшая супруга отравила крысиным ядом.

Фонари и звезды мерцали где – то вдалеке...

Из – за угла многоэтажного дома на полном ходу выскочил полуночный трамвай...

Сделка

Инженеру Чулково снились сны. Иной дотошный обыватель подумает: «Эка невидаль – сны. Знаем, видали. Ничего особенного», – и усмехнется криво.

А сны у Чулкова на самом деле были особенные. Ну, посудите сами, что снится рядовому, так сказать, обывателю? Обыкновенные истории из обычной жизни. Да и помнит он, проснувшись, в лучшем случае, какие – то обрывки сна, туманные и расплывчатые. Даже кошмары снятся рядовому обывателю какие – то не слишком страшные, а любовные истории не достаточно эротичные. А чаще всего рядовой обыватель и вовсе не помнит своих снов поутру.

Иное дело – ночные видения инженера Чулкова. Начинались они сразу, лишь только приклонял он голову к подушке. Снились ему сны всю ночь, без остановок и рекламных пауз до тех пор, покуда он нехотя не разлеплял глаза. Сны у Чулкова были ярко – цветными, мастерски срежиссированными, с хорошим подбором исполнителей главных и эпизодических ролей, широкоформатные и музыкальные. Иначе говоря, это были как бы вовсе и не сны, а полнометражные кинофильмы разнообразнейшего жанра: боевики, вестерны, триллеры, мелодрамы, комедии, фантастические и эротические ленты. С четверга на пятницу многие из них были вещими.

Сны Чулково жить не мешали. Бывало, правда, засмотревшись очередным шедевром Морфея, опаздывал он на работу. Но работа у Чулкова была совсем неответственная и достаточно мало оплачиваемая. И постоянный недостаток денег как раз очень мешал инженеру жить, что называется, в полную радость. Что поделаешь: кому деньги, кому – высокое искусство.

И вот как однажды уснул Чулков в четверг, просмотрел очередной блок лучших видений, а проснулся уже, соответственно, в пятницу. И последний сон его глубоко потряс. Даже не сон это был, а так – снисько. В переводе на кинематографический язык, не кинофильм, а ролик. Приснилась Чулково ни с того, ни с сего страшная облезлая старуха с крючковатым длинным носом, облаченная в какое то рванье грязно мышинного цвета, от которого припахивало серой. Ее глаза – горящие угли – были ужасны и вгоняли душу в пятки.

– Второй месяц Петрову долг не отдаешь!? – попрекнула инженера старуха скрипучим голосом.

Это была чистой слезы правда.

– Да вот же, – безвольно согласился Чулков, не отводя глаз от заворожившей его карги.

– И Николаеву должен денег. И Свиридовой. И в банке ссуду взял, не расплатишься.

Это тоже было святой правдой.

– А хочешь, я тебе помогу? И долги все раздашь, и жить по – человечески станешь.

Хотел, было, Чулков из природной деликатности отказаться, да любопытство и искус взяли верх.

– Как это? – спросил он вкрадчивым голосом, не сводя глаз от старой карги.

– Денег помогу заработать, – старуха сменила голос и заговорила приятным на слух альтом. – Много денег. Очень много денег. На всю оставшуюся жизнь хватит.

Чулков удивился столь неожиданному и заманчивому предложению. Хотел он, было, скрыть свое волнение от старухи, да мелко задрожавшие руки выдали его с потрохами. Заработать быстро и много денег было его идеей фикс, голубой мечтой, долгожданным сновидением. Да и кто из нас хотя бы раз, чего греха таить, не мечтал в одночасье стать миллионером?!

– Хочешь много денег? Очень много денег! – повторила свое искушение старуха. – Чертовски много денег!

– Хочу, – выпалил Чулков.

Старуха, с какой – то сладострастной злостью взглянула на инженера и вновь заговорила скрипучим голосом:

– Продай свои сны!

– Как это? – удивился Чулков.

Но карга неожиданно растаяла в белесой дымке, исчез противный серный дух, а инженер моментально проснулся. Впервые в жизни от сюжета, увиденного во сне, его прошиб холодный липкий пот. Его подташнивало, а голова раскалывалась от жуткой боли. Чулков принял две таблетки анальгина и совершенно разбитым отправился на работу. Трудился он двадцатый год в НИИ сельскохозяйственного машиностроения и все, что мог изобрести полезного для сельских тружеников, уже давно изобрел и запатентовал.

Весь день Чулков с нетерпением ждал ночи. Ему верилось, что злобная старуха – искусительница вновь посетит его в сновидениях и уже наверняка даст вразумительный ответ на его вопрос. И как не укладывался он пораньше спать, ни с пятницы на субботу, ни с субботы на воскресенье, ни в две последующие ночи противная карга так ему и не приснилась. Вопрос остался открытым. Ни о чем другом Чулков и думать уже не мог. «Вот ведьма!» – сокрушался он: «Как же это можно продать свои сны?»

А денег сразу и много очень хотелось.

В среду во второй половине дня, когда терпение Чулкова уже лопнуло, как запущенный аппендикс, решил он действовать на свой страх и риск. Иной обыватель подумает: «Да в чем риск то? Знаем, рисковали. С поезда на железнодорожную насыпь прыгали, в финансовые пирамиды последние кровные вкладывали, женились на сокурсницах. А тут, какой риск? – и усмехнется криво.

А на самом деле Чулкову, человеку прагматичному и прижимистому, было чем рисковать. Шутка ли – продать сны?! А кому? А почему? Во – первых, он в жизни своей ничем никогда не торговал. И как всякий не торгующий человек, ужасно боялся налоговой инспекции. Во – вторых, товар его, мягко говоря, был весьма специфичным. Необычный, прямо скажем, товарчик. Так что рисковал Чулков, как минимум, репутацией дееспособного человека.

И все же страстное желание легкого и быстрого заработка пересилило его опасения. Чулков купил по дороге с работы домой одну хитрую рекламную газетенку, в которой постоянно печатался купон бесплатного объявления. Весь вечер и начало ночи он промучился над составлением подходящего текста. В итоге его объявление гласило: «Продам сны оптом и в розницу. Недорого. Тематика разнообразная, от супертриллеров до крутой эротики и мультфильмов». В конце объявления он указал свой домашний адрес.

«Дело сделано», – решил Чулков: «А там будь, что будет». Он запечатал объявление в конверт, подписал его, а на следующее утро опустил в ближайший почтовый ящик. И с трепетом стал ждать звонков в дверь. С таким трепетом ждут повестку в суд или письмо от любимой женщины. Прошла неделя, вторая, но, увы, чудаков, желающих купить чужие сны, не находилось. Чудаки, надо отметить, в нашем веке постепенно вымирают.

Чулков уже смирился с мыслью, что его сны не пользуются потребительским спросом, успокоился и вновь начал наслаждаться своими еженощными видениями, как вдруг...

* * *

Как вдруг ранним субботним утром, когда инженер еще сладко посапывал в своей холостяцкой постели, раздался пронзительный звонок в дверь. Чулков, надо отметить, никого и никогда в гости к себе не ждал. Пришлось ему пробуждаться, спешно одеваться и идти открывать дверь. На пороге его квартиры оказался высоченный плотный мужчина, одетый в милицейскую форму.

– Господин Чулков, – спросил он низким хриловатым голосом.

– Да, я... Извините... Он самый... Вот, – промямлил инженер, задыхаясь от сковавшего его страха. «Доигрался», – пронеслось в голове: «Посадят. Как пить дать, посадят!»

– Это вы давали объявление? – милиционер достал из внутреннего кармана кителя смятую газетку, развернул ее и могучим пальцем ткнул в самую середину страницы.

– Да, я... Так точно... Вот... Это, знаете ли... Чулков хотел добавить: «дурацкая шутка», – но язык его будто окаменел.

– Замечательно, – сказал задумчиво милиционер и неумело улыбнулся. – Можно пройти в комнату?

– Да, да, конечно... Пожалуйста, – Чулков освободил проход от своего тщедушного тела. «Посадят. Непременно посадят», – чуть было не заскулил он от испуга: «Позора теперь не оберешься».

Но грозный страж порядка, вопреки опасению инженера, почему – то не спешил доставать пистолет и наручники. Он как – то весьма загадочно взглянул на Чулкова. Человеку бывалому такой взгляд показался бы даже заискивающим. Именно так смотрят люди в погонах на свое начальство и симпатичных девушек.

– Я омоновец, – сообщил верзила печально, – прошел множество горячих точек, был многократно ранен и контужен, имею правительственные награды...

«Пожалуй, не посадят», – малая толика сладкой надежды окропила сердце инженера.

– Не могли бы вы мне, м – м, господин...

– Чулков.

– Господин Чулков, продать свои сны. На, так сказать, батальную тему. Очень люблю боевики. Я последнее время, знаете ли, тоскую по войне... – и милицейский громила как – то по – школьному стыдливо отвел глаза в сторону.

Огромное облегчение наступило в душе Чулкова, возвернулась душа из пяток на свое обычное место.

– Да, да, конечно, берите.

– По какой цене?

– Даром берите.

Но омоновец был не приклонен. Он даже насупил, сделался еще выше ростом и шире в плечах, когда услышал о дармовщине. Сначала он произнес весьма пространную речь о пагубности дачи и получения взятки и различных несанкционированных презентов, потом умоляюще посмотрел на Чулкова и попросил назначить конкретную цену.

– Сто рублей, – смущенно произнес инженер, стараясь не глядеть в глаза блюстителю порядка. Омоновец заподозрил неладное, и лицо его приобрело пугающе грозный вид.

– Пятьдесят, – промямлил Чулков, густо краснея.

Омоновец и вовсе опешил. И, чтобы Чулков далее не торговался, достал из кармана увесистую пачку денег, отсчитал сто пятьдесят рублей и протянул их инженеру.

Лишь Чулков взял купюры в руки, грозный милиционер таинственным образом исчез.

«Чудеса», – подумал инженер: «Чудеса в решете!» Он хотел, было, развить свою мысль, но в дверь вновь позвонили.

Это была худенькая девушка в очках, то ли школьница – старшеклассница, то ли студентка начальных курсов. Не то, чтоб симпатичная, но без явных изъянов лица и фигуры. О таких девушках говорят «на любителя».

– Ваша фамилия Чулков, – поинтересовалась она весьма застенчивым голосом.

– Совершенно верно.

– Вы продаете сны? – акцент она сделала на слове «вы».

– Да, я... Некоторым образом, так сказать, – Чулкову девушка понравилась. Надо отметить, что ему, закоренелому холостяку сорока трех лет нравились всякие девушки. Даже

рыжие и конопатые. Даже, извините за выданный секрет, слегка хромые и сутулые. Вот только Чулков им почему – то категорически не нравился. То ли слабым атлетизмом своих телес, то ли неровно растущей лысиной, то ли просто карма у него была не подходящая.

– Да вы проходите. Проходите в комнату, – заворковал Чулков. – Или, лучше, знаете ли, проходите сразу на кухню. Чаю, кофе, вина хотите? А, может, для начала в шашки сыграем, хи – хи, или в картишки перекинемся?

– Спасибо, не стоит, – девушка смущенно переминалась с ноги на ногу, – я бы купила у вас сны... – тут она совершенно зарделась, – о чувствах... Вернее, мне, право, весьма неловко об этом говорить...

– О любви? – подсказал Чулков, щедро и щербато улыбаясь.

Щеки девушки сделались вовсе ярко пунцовыми, и она утвердительно кивнула головой.

Чулков невольно залюбовался ею. Хрупкая фигурка, смешные очки, длинные ресницы, аккуратная челка, ямочки на щеках.

– А как вас зовут? – спросил инженер вкрадчивым голосом.

– Это в данный момент неважно, – ответила она на удивление весьма дерзко, – продаете или нет?

– Продаю, продаю, – Чулков вдруг почувствовал в своем дряхлеющем теле игривость молодого петуха. – А вас, какая любовь интересует?

Девушка недоуменно посмотрела на него глазами терновой синевы.

– Любовь бывает, знаете ли, разная, – Чулков входил в раж, как глухарь на токовище. – Любовь бывает традиционная между мужчиной и женщиной. А, бывает, хи – хи, между мужчиной и мужчиной. Случается, что и между женщинами возникает любовная страсть. Есть любовь групповая...

Чулков был просвещенным человеком. Ему снились разнообразные сны.

Девушка заметно смутилась от таких откровений.

– Так о какой любви вы предпочитаете сны?

– Я бы купила все, – простонала она, едва не падая в обморок от стыда, – назовите цену.

– Право не знаю, – Чулков бросил в атаку последний резерв своего ухажерского арсенала, пытаясь приобнять девушку за талию. – Мне неловко брать деньги с такой симпатичной, хи – хи, студентки за подобные пустяки. Может, все же сначала чайку, кофейку, винца? У меня есть неплохой портвейн...

– Назовите цену, – девушка энергично отбросила руку инженера со своей талии, – или я немедленно уйду!

Но Чулков решил продолжить свои неуместные ухаживания и еще немного пофлиртовать с девушкой.

– Ну, скажем. Десять рублей вас устроит?

Девушка решительным жестом сунула ему в ладонь десять рублей и моментально испарилась.

«Чудеса!» – подумал Чулков, пряча деньги в карман: «Чудеса, да и только!» И он с удовольствием захихикал своим противным тенорком.

В дверь снова позвонили. Третьим посетителем оказался солидный мужчина в шляпе, своим видом напоминающий крупного начальника. А то и вовсе министра. Запонки на манжетах его кипельно белой рубашки и заколка на умопомрачительном галстуке сверкали алмазным блеском.

– Мне нужен господин Чулков, – произнес он уверенным, не терпящим возражений, голосом.

– Я вас слушаю.

– Мне случайно попало на глаза ваше объявление в газете. О снах. Товар меня заинтересовал, – мужчина беглым взглядом осмотрел прихожую, ее бедное убранство. – Я могу быть уверенным в том, что наш разговор останется конфиденциальным?

– Безусловно.

– Я не о том, – взгляд незнакомца продолжал напряженно исследовать углы, стены и потолок прихожей. – Вы гарантируете мне, что нас сейчас не подслушивают?

Лицо Чулкова вмиг сделалось настолько удивленным и вместе с тем наивным, даже глупым, что солидный мужчина немного успокоился.

– Я, понимаете, занимаю очень высокий и ответственный государственный пост... Меня знают и ценят в Кремле... Хотя, вам об этом и не следовало бы знать... Короче говоря, строго между нами, я надеюсь, что вы понятливый человек, – незнакомец грозно взглянул на Чулкова, – я хотел бы купить у вас весьма... Весьма пикантный цикл снов.

– Я к вашим услугам.

– Мне нужны ужасы. Да, да, не удивляйтесь, ужасы. И чем ужаснее будут ужасы, тем лучше. У вас есть подобный товар?

– Да, конечно.

– Тогда я беру все, что касается ужасов и садо – мазохизма, – солидный мужчина достал из внутреннего кармана солидного пиджака весьма солидный кошелек. – Сколько с меня?

Чулков задумался. С одной стороны, с такого солидного и явно не бедного человека, возможно, дипломата, министра или депутата Госдумы брать деньги не разумно. Если войти в дружбу, опереться на его связи... Связи важнее денег... Но, с другой стороны, с кого же тогда брать, как не с обладателя тугого кошелька? С солидного человека можно и содрать побольше... За солидность. Хотя, конечно, связи важнее...

– Так сколько вы хотите?

– Двести! – выпалил Чулков.

Незнакомец раскрыл кошелек, достал пачку долларов, перетянутых тонкой резинкой, вытащил из нее две стодолларовые кредитки, положил их на тумбочку и мгновенно исчез.

С парня лет двадцати восьми, носатого и длинноволосого за научно – фантастические сны Чулков слупил триста целковых. На полноватой даме бальзаковского возраста, интересующейся снами на английском, немецком, французском, испанском, итальянском и еще двух десятках иностранных языков, инженер заработал пятьсот рублей. Мультяшные сны двум школьницам – близняшкам Чулков уступил за тысячу двести.

Поток покупателей еще долго не прекращался. Люди приходили, покупали сны и тут же таинственно исчезали. Каждый раз Чулков набавлял цену, но никто не скупился.

Ближе к обеду в квартиру инженера влетел запыхавшийся молодой человек в джинсовом костюме. Выглядел он весьма деловито.

– Вы Чулков?

– Он самый.

– Сны продаете?

– Продаю.

– Оптом или в розницу?

– Как вам будет угодно.

Молодой человек недоверчиво взглянул на Чулкова. Такая покладистость продавца показалась ему весьма подозрительной.

– И оптом тоже?

– Что предпочитаете смотреть? – инженер уже научился торговаться и вел себя весьма уверенно.

– Я? Я сам ничего не смотрю.

– Странно.

– Ничего странного. Я владелец видео проката, предприниматель средней руки. Сам ничего не смотрю. За три года мне это кино вот уже где, – молодой человек рубанул ладонью по кадыку, – а вот для моих клиентов... Сколько вы хотите?

– А какие сны вас интересуют?

– Я бы взял все, что у вас имеется. Но по оптовой цене.

Чулков растерялся. Сколько у него осталось снов, он не знал. Очевидно, немного. Но и прогадать ему не хотелось.

– Три тысячи! – загнул инженер.

– Две! – мгновенно парировал бизнесмен средней руки.

– Две восемьсот, – чуть подумав, сбавил цену Чулков.

– Две двести, – нехотя набавил молодой человек.

– Две семьсот!

– Две триста!

– Две шестьсот!

– Две четыреста!

– Две пятьсот! – одновременно рявкнули инженер с бизнесменом. Они стояли друг напротив друга, оба покрасневшие и взбудораженные от проведения торгов.

– По рукам! – взвизгнул бизнесмен.

– По рукам! – взвизгнул инженер.

Расплатившись мелкими, большей частью ветхими и помятыми купюрами, оптовик испарился из квартиры Чулкова.

Последним, кто посетил инженера, был один весьма нервный тип. Он совсем недавно переквалифицировался из телерепортеров в кинодраматурги. Такие типы, как он, опаздывают всегда и всюду. Потому, как являются типами чересчур творческими и амбициозными.

– Как больше нет?! Ни одного сна?! – театралью заламывал он пальцы. – Я вас абсолютно не понимаю!

– Продано, – тупо повторял Чулков, – все уже продано, стараясь вытолкать из прихожей весьма нервную натуру за дверь.

– Как продано?! Кому продано?! Почему продано?! – бесновался киносценарист и упорно не желал покидать чулковскую жилплощадь. – Я вас решительно не понимаю! Это форменное безобразие! Я буду на вас жаловаться в союз кинематографистов!

Никакие доводы Чулкова творческую личность не устраивали. Бросив брать на арапа, он принялся верноподданно целовать Чулкову руку. Потом упал на пол и принялся в истерике кататься по прихожей, загородив своим мясистым телом проход к двери.

Потом киносценарист неожиданно предложил Чулкову десять тысяч рублей за один сон. У инженера от жадности задрожали колени, и на лбу его выступила холодная липкая испарина. Но кинодраматург тут же удвоил цену. Потом утроил, удесятерил ее. Чулков был близок к обморочному состоянию. Он отчетливо понял, что страшно продешевил со своими снами, что больше продать ему нечего, что он упустил тот великолепный шанс, о котором ему поведала старуха.

А кинодраматург продолжал умолять инженера, продолжал сулить огромные деньги, страдать рэкетом, порчей и союзом кинематографистов. Эта бурная эмоциональная сцена, длившаяся довольно долго, наконец – то их обоих довела до предынфарктного состояния и окончательно выбила из сил. Киносценарист вдруг замолчал, взор его, до того пылающий неистовым огнем, потух, да и сам он как – то резко обмяк. Он поднялся с пола, небрежно отряхнул штаны и покинул квартиру Чулкова, злобно хлопнув на прощанье дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.